ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИЯ

Д.В. Деопик
М.Ю. Ульянов
ИСАА МГУ

Исторические процессы в древней Восточной Азии в III – первой половине II тыс. до н.э.: складывание «двуединого» Региона[1]

Введение

Огромное историко-географическое пространство, которое принято называть «Китаем», в историческом смысле не является названием страны, а сопоставимо с понятиями «Западная Европа», «Россия» и др. Именно по этой причине писать историю «Китая в древности» также сложно, как писать историю всей Западной Европы и всей России. Поэтому неудивительно, что когда пишут «Историю Китая», то, как правило, в центре внимания находится район расселения государствообразующего этноса (кит. *ханьцзу*). Сейчас это, особенно применительно к древней истории, не может удовлетворить ни самих китаистов, ни их коллег – историков других специальностей. Корректнее, на наш взгляд, говорить об историческом Регионе Восточная Азия. Первоначально его границы определялись бассейнами рек Хуанхэ, Янцзы (без их верхних течений); в более позднее время в него входят бассейны рек Сицзян и Ляохэ.

Задача данной работы – выделить и описать некоторые особенности протекания исторического процесса в Восточной Азии в III – первой половине II тыс. до н.э. как в двуедином историческом Регионе. Мы стремились учитывать и новейшие данные археологии, и современные представления о распространении языков, расселении народов и антропологические классификации, считая, что только в комплексе можно составить сравнительно непротиворечивое представление о древнейшей истории той территории, которая в будущем получит название «Китай».

В статье отражены как некоторые результаты наших собственных исследований, так и опыт, накопленный коллегами. Она является продолже-

© Деопик Д.В., Ульянов М.Ю., 2012

нием ряда работ, в которых были предприняты попытки описать динамику исторического процесса в Восточной Азии в древности. В них мы предложили исторические границы этого Региона [7, с. 13–14; 16, с. 7–8] и попытались описать динамику их изменений в историческом времени [15, с. 53–58]. Было намечено его внутреннее пространственное деление [10, с. 50–52], выделены основные периоды развития [12, с. 91–95]. Мы попытались показать, что государственность здесь начинается раньше, чем было принято думать, подтвердив это археологическими свидетельствами [8]. Систематизируя археологический материал, мы дали краткое, по преимуществу археологическое, описание основных этапов истории Региона, прежде всего с X по II тыс. до н.э. [13, с. 86–90; 16; 21, с. 39–62].

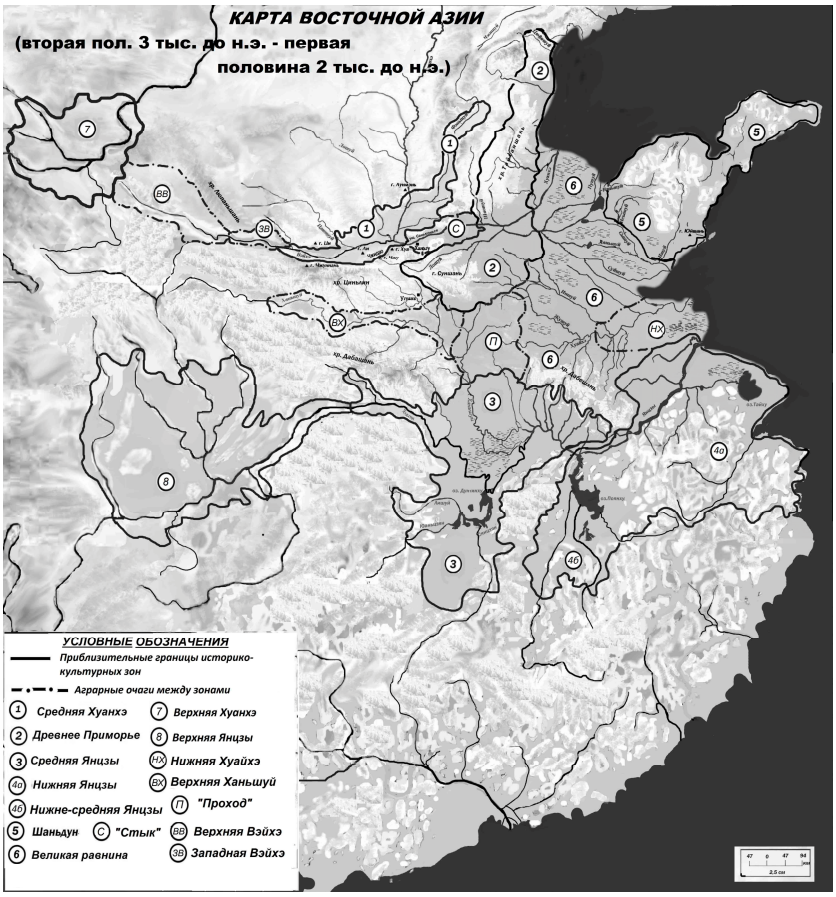
В этих работах мы стремились создать такую модель исторического процесса в древней Восточной Азии, в которой не было бы существенных пробелов в пространстве и во времени, учитывались бы естественное зональное членение Региона и сложная этническая палитра; рассматривались бы основные географические области и все важнейшие участники исторического процесса.

Создать такую модель в настоящее время значительно легче, чем 30 или 50 лет назад, в силу того, что территория Региона, т.е. центральных районов современной КНР, ныне раскопана уже в достаточной степени; а современные информационные технологии сделали доступными специальные научные публикации (в том числе провинциальные и малотиражные). Благодаря наличию этого корпуса археологических материалов и стала возможна реконструкция древнейшей истории Восточной Азии, появилась возможность наметить основные этапы исторического процесса с X по II тыс. до н.э. у населявших Регион народов и от иллюстраций перейти к описанию этносов, верований, социальных структур, типов хозяйств и межэтнических контактов.

Существенно, что полученный в 1970–2000-е гг. археологический материал позволил учёным окончательно отказаться от «нуклеарной теории»[2], согласно которой у Восточной Азии был один культурно-цивилизационный центр, располагавшийся в бассейне Средней Хуанхэ, основные достижения Восточной Азии были связаны с культурами *яншао* и *луншань*, а бронза впервые появилась в местной культуре Эрлитоу (которая иногда отождествляется с мифическими правителями «династии Ся»), а первое государство возникло в Шан[3]. Ещё тогда археологами было признано, что это относится только к Средней Хуанхэ и только к *хуася* (предкам государствообразующего этноса современной КНР *ханьцзу,* говорящим на китайском языке, принадлежащим к синотибетской языковой семье). Но эта зона не была ни единственной, ни самой древней с точки зрения формирования государственности[4].

Тем не менее, в силу некоторой инерции достижения народов Нижней и Средней Янцзы и Шаньдуна описываются порой с нарушением хронологической последовательности, без учёта зонального расположения и региональных связей. Это заметно и в настоящее время. В наиболее

полной на настоящее время сводной работе китайских археологов по неолиту все культуры бассейна Янцзы описываются после более молодых культур бассейна Хуанхэ, а Шаньдун «приписан» к Нижней Хуанхэ [62][5].



Уточнение устоявшихся представлений – процесс в науке сколь длительный, столь порой и болезненный (но, всё-таки одновременно и неизбежный). Приносим читателю извинения за повтор некоторых положений, которые были высказаны в предшествующих публикациях.

***

Археологический материал, публикуемый в КНР, убедительно доказал, что исторический Регион Восточная Азия полицентричен. Он состоит из двух больших частей: в районах суходольного земледелия (просоводства) умеренного климата на Хуанхэ (**Севере** «двуединого» Региона) и в районах поливного земледелия (рисоводства) субтропического климата на

Янцзы и Шаньдуне (**Юге** и близкому к нему **Востоке** «двуединого» Региона). В каждой их этих двух больших частей сформировались и развивались свои долговременные этно-культурные области. Юг и Восток были населены аустрическими народами (предками хмонгов, юэсцев и усцев, скорее всего родственными им *восточными и*, *хуайскими и*), а Север с определённого времени заселялся и осваивался предками *хуася* (восточной группой сино-тибетцев).

Образующие эти части обширные зоны были выделены китайскими археологами в 1990-х – 2000-х годах, мы внесли лишь некоторые уточнения[6]. Для их обозначения нами же было введено понятие «историко-культурная зона». «Историко-культурная зона» – это крупная географическая область обычно с достаточно чёткими ландшафтно-обусловленными границами, отделённая от других зон пространствами малозаселённых горных и лесных районов; внутри них располагаются отдельные «аграрные очаги»[7].

Зон, напомним, в историческом Регионе Восточная Азия шесть (см. карту). Пять из них – древние: Средняя Хуанхэ, Шаньдун, Нижняя Янцзы, Средняя Янцзы и «Древнее Приморье» (полоса плодородных земель к северу и югу от места впадения Хуанхэ в «Древний Пролив»). На месте Пролива постепенно возникала Великая равнина (в геоморфологическом отношении она сформировалась к середине II тыс. до н.э.) [63, с. 127][8].

Великая равнина – это шестая «молодая» зона. До сих пор не всегда учитывается, насколько значительную роль её возникновение играло в истории Региона Восточная Азия. По мере расширения северной половины Великой Равнины на Восток для обозначения этого района освоения земель всё более обосновано использование понятия «Нижняя Хуанхэ». Южная часть Великой Равнины образована бассейном северных притоков р. Хуайхэ [10; 16, с. 6–8].

Эти исторические области имеют устойчивый и долговременный характер, они были населены отдельными этносами, которые в письменных источниках I тыс. до н.э. имеют свои наименования. С археологической же точки зрения – это крупные «этно-керамические области», внутри которых сменяли друг друга свои родственные археологические культуры.

Важнейшая же особенность древней Восточной Азии заключается в том, что хотя у жителей этих областей исторические процессы протекали в различающихся климатических, экономических и культурных условиях, контакты внутри Региона между его этнически разнородным населением были значительно сильнее, чем с соседними народами вне Региона. В течение тысячелетий они сосуществовали и сближались по уровню социального развития и, в меньшей степени, – культурно, что и предопределило важнейшие особенности их цивилизационного развития. Всё это и заставляет рассматривать Восточную Азию как уникальный двуединый Регион, где тысячелетиями сосуществовали восточные сино-тибетцы *хуася* на Севере и аустрические народы – на Юге [21, с. 39–40; 57, с. 58–62].

В истории складывания Восточной Азии как «двуединого» Региона в III–I тыс. до н.э. выделяются два этапа: 1) III – первая половина II тыс. до н.э.; 2) вторая половина II – I тыс. до н.э. При этом первый этап изучает-

ся на основе рассмотрения источников археологических (отчасти – лингвистических), которые позволяют судить в целом о важнейших этносоциальных процессах. Для второго этапа постепенно увеличивается значение письменных источников, на основе анализа которых возникают более детальные представления о различных исторических процессах, прежде всего политических у жителей бассейна Средней и Нижней Хуанхэ, в значительно меньшей степени – Янцзы и Шаньдуна[9].

Ниже в пределах имеющегося в нашем распоряжении материала попытаемся предложить основные характеристики конкретных социумов III – перв. пол. II тыс. до н.э., населявших различные историко-культурные зоны. Поскольку они во многом связаны с появлением письменности и государственности, то выделим и опишем те элементы «социального опыта», которые формировали набор атрибутов высшей власти, передававшихся на первом этапе с Юга и Востока на Север, а на втором – с Севера на Юг и Восток. Одновременно попытаемся представить себе протекание межэтнических контактов (названных нами «верхушечными»), в рамках которых шла передача «социального опыта». В данной статье основное внимание будет сосредоточено на первом этапе.

1. Предыстория складывания Восточной Азии как «двуединого» Региона (IX–IV тыс. до н.э.) и древние народы Восточной Азии[10]

«Лингво-историческая» ситуация. Как уже говорилось, реконструкция исторического процесса в Восточной Азии для данного времени строится на анализе археологического материала, а также в определённой степени – на данных лингвистики[11]. Так, согласно лингвистическим представлениям, исконное население Восточной Азии говорило на языках древней аустрической языковой семьи, точнее, гипотетической макросемьи языков. В VI тыс. до н.э. (или даже несколько позже) в регион приходят предки сино-тибетцев и оседают в бассейне Верхней Хуанхэ, откуда постепенно проникают на Среднюю Хуанхэ и Верхнюю Янцзы, а позже – и на юг Древнего Приморья.

Далее сначала рассмотрим «старые» народы (аустрические), затем выделим некоторые специфические черты формирования «новых» народов (сино-тибетских).

История разделения и расселения аустрических народов пока изучена мало. При изучении древнейшей истории Восточной Азии это одна из самых сложных и важных проблем. Существующие гипотезы об их разделении и направлениях расселения основываются в основном на лингвистическом материале [42; 43]. Задача археологического исследования во многом заключается в поиске и выявлении этно-культурных признаков каждого из народов и их фиксации в пространстве и времени.

С определённого момента, не позднее VII тыс. до н.э., т.е. накануне прихода сино-тибетцев, аустрические народы начинают распадаться на крупные этнические группы: на юго-востоке Восточной Азии (Нижняя Янцзы) – аустроазиаты (видимо, предки вьетов); на востоке – аустроазиаты и предки

аустронезийцев (?); на юге (Средняя Янцзы) – предки хмонг-миенов; на дальнем юге (Верхний и Средний Сицзян) – предки пара-тайских народов. Исконное население Верхней Янцзы (вероятно, как и Среднего Меконга) – аустрическое (предки мон-кхмеров?), и только к I тыс. до н.э. первая зона заселяется отделившимися от сино-тибетцев тибето-бирманцами (царства Ба и Шу).

Говорить о местах их первоначального расселения и направлениях первых миграций всё ещё очень сложно. Больше всего ясности пока, пожалуй, в отношении «прародины» и векторов перемещений аустронезийских народов [33, с. 60–63, 333–335; 36, pp. 45–67; 37, p. 117–140]. На наш взгляд, их «прародиной» могли быть южный и восточный Шаньдун, а также южный берег Древнего Пролива, который начал затя-ги–ваться раньше многих других участков будущей Великой Равнины и северные участки Нижней Янцзы[12]. Если это предположение справедливо, то тогда объясняются отмеченные лингвистами взаимные заимствования в языках аустронезийцев и сино-тибетцев (носители последних постепенно заселяли юг Древнего Приморья – подробнее см. ниже) [35; 44, pp. 1–62; 45, pp. 271–308; 46]. Этапы расселения аустронезийцев по морям ЮВА и Океании изучены лингвистами лучше, чем этапы и направления расселения других аустрических народов [30, с. 27–31]. Ранние группы аустронезийцев представлены ныне на Тайване, более поздние – на Филиппинах (о. Лусон и др.). Они также зафиксированы в центральной части восточного Индокитая (чамы, раглай, эдэ и другие горные соседи чамов). В среднем неолите специфические для аустронезийцев каменные украшения найдены в Фуцзяни, а схожие с гуандунскими типы сосудов есть на Филиппинах, т.е. вдоль берега к югу от Янцзы аустронезийские группы были [39; 40, pp. 36–56].

Основные этапы исторического развития. Исторический Регион Восточная Азия формируется постепенно [12, с. 91–95; 13, с. 86–90].

1. В раннем неолите (9000–5500 тыс. до н.э.) пока известны отдельные памятники и разрозненные культуры отдельных аграрных очагов. Границы пяти древних «историко-культурных зон» отчётливо проявились только в течение ранне-среднего неолита (5500–4500 гг. до н.э.). Это сложнорайонированные исторические области, в каждой из которых осваиваются свои аграрные очаги, различные по площади, по степени ландшафтной разделённости и удалённости в пространстве друг от друга [10, с. 50–52]. В социальном плане они развиваются неравномерно. Наиболее исследованные области Восточной Азии — это Средняя Янцзы: комплекс культур Пэнтоушань 彭头山 (6400–5800 гг. до н.э.), а также в районе своего рода «прохода» со Средней Янцзы на юг Древнего Приморья – культура Цзяху-1 贾湖 (6000–5500 гг. до н.э.). Они уже достаточно развиты.

2. В ранне-среднем неолите (5500–4500 гг. до н.э.) наиболее развитой является большая древняя область, которая протянулась вдоль морского побережья от юга Древнего Приморья (культура Пэйлиган 裴李岗, 5500–4900 гг. до н.э.), далее на восток (Цзяху 2-3, 5300–5100, 5100–4900 гг. до н.э.), затем

захватывает южное побережье Древнего Пролива (где на рубеже VI и V тыс. до н.э. на памятниках Хоуцзячжай-1 侯家寨 и в середине V тыс. до н.э. на памятнике Шуандунь 双墩 зафиксирована самая древняя письменность)[13] и далее доходит до районов к югу от Ханчжоуваньского залива (культуры Хэмуду-1 河姆渡, 5100–4600 гг. до н.э.; Куахуцяо-1 跨湖桥, 5200–4800 гг. до н.э.; Куахуцяо-2, 4800–4400 гг. до н.э.).

3. Начиная со среднего неолита (4500–3500 гг. до н.э.) границы историко-культурных зон принимают окончательные очертания и сохраняют их до начала ранней бронзы (1800–1400 гг. до н.э.). Наиболее развитой историко-культурной зоной, бесспорно, является Нижняя Янцзы, которая была заселена предками аустроазиатов, а в северных приморских районах, возможно, предками аустронезийцев. На Средней Хуанхэ тогда уже жили предки *хуася*.

Не позднее середины III тыс. до н.э. народы не только Нижней, но и Средней Янцзы и Шаньдуна достигли высокого уровня социально-политического развития – там существует своя государственность. По-видимому, эти южные государства до середины II тыс. до н.э. являлись единственными в Восточной Азии. Кратко опишем эти три зоны:

Нижняя Янцзы – социальное развитие местной группы аустроазиатских народов (предков вьетов) шло равномерно и последовательно. Пожалуй, из «старых» зон она самая крупная, а по площади аграрных земель уступает только Великой Равнине (с определённого исторического времени). Её особенность заключается в том, что аграрные очаги здесь сравнительно велики и, если не примыкают друг к другу, то по крайней мере очень близки. Северная часть образована долиной Хуайхэ (без северных притоков), южная – это южный берег Ханчжоуваньского залива; далее на запад она включает бассейн реки Фучунь, ещё далее на запад – долину реки Ганьцзян (южного притока оз. Поянху). В ранне-среднем неолите наиболее развитой здесь была северная часть зоны, а начиная со среднего – бассейн оз. Тайху. Именно здесь и возникают ранние государственные образования, ставшие источником «социального опыта» для всех остальных зон Восточной Азии (памятники Моцзяошань и другие).

Шаньдун – до середины III тыс. до н.э. это архипелаг, по мере возникновения Великой Равнины становящийся полуостровом. В неолите, вероятнее всего, почти все районы Шаньдуна были рисоводческими (климат тогда это позволял). В ранне-среднем неолите наиболее развитой была северная часть, а в среднем – западная и юго-западная. Шаньдун, судя по сходству сакральной символики, древнейшей письменности и ряда элементов материальной культуры был близок к Нижней Янцзы. По мере образования Великой Равнины эта историко-культурная зона медленно расширялась на западе и юге. Наиболее интенсивные внешние контакты сначала, в VI – V тыс. до н.э., были с аграрными очагами в бассейне Хуайхэ, несколько позже – с восточной частью Нижней Янцзы и югом Древнего Приморья («Суншаньский» аграрный очаг)[14]. В III тыс. до н.э. на юге и на севере Шаньдуна, как и на Нижней Янцзы, возникли «номовые государства»; в каждом были сформировавшиеся сложные социальные и

религиозные системы. Ранние шаньдунские города археологически хорошо изучены. Их площадь различна, большие – ок. 400 тыс. кв. метров, маленькие – до 40–10 тыс. кв. м. Самые крупные из них располагались на северо-западе Шаньдуна, на границе с Великой Равниной – *Цзяочанту* 教场铺 (уезд Чипин 茌平) площадью ок. 400.000 кв. м. (стены 1100 м. на 360 м.) и Цзинъянган 景阳岗 (уезд Янгу 阳谷) площадью ок. 380.000 кв.м. (стены 1105 м. на 300 м.). Оба эти города – столицы древних шаньдунских государств. Возраст их стен и платформ внутри них, по мнению раскопщиков, одинаков с Моцзяошань Нижней Янцзы [55].

Долина реки Хуайхэ. По мере затягивания Древнего Пролива и образования Великой Равнины в её южной части оформляется ещё один и очень важный для истории складывания Восточной Азии как «двуединого» Региона аграрный очаг – бассейны северных притоков реки Хуайхэ. Южные притоки этой реки сравнительно коротки, они берут начало в горах Дабешань, и их долины относятся к северной части бассейна Нижней Янцзы. А вот её северные притоки – значительно более протяжённые; при этом самые западные из них стекают с Суншаньского нагорья, а остальные – текут из болот Великой Равнины (соответственно, бассейн большей части северных притоков Средней Хуайхэ относится к этой историко-культурной зоне); Нижняя Хуайхэ значительно сближается с северным руслом нижней части течения Янцзы (ок. 120 км)[15]. Протянувшаяся с запада на восток долина Хуайхэ сыграла значительную роль в реализации связей между четырьмя соседними историко-культурными зонами: Нижняя Янцзы, Шаньдун, Древнее Приморье и Великая равнина. Древнее население Нижней Хуайхэ впоследствии воспринималось *хуася* как близкое к населению Шаньдуна, по крайней мере, в древнекитайских письменных источниках они назывались одинаково – *и*: восточные *и* – шаньдунцы, хуайские *и* – народы Хуайхэ.

По своему экономическому и демографическому потенциалу, а также в силу отсутствия чётко выраженных ландшафтных границ на юге, севере и западе, бассейн Хуайхэ позднее не стал самостоятельным центром сильной государственности. Но к этому району большое внимание привлекли находки ранней иероглифической письменности рубежа VI–V тыс. до н.э. на эпонимном памятнике культуры Хоуцзячжай-1 (5200–4800 гг. до н.э.) на западе Нижней Хуайхэ и расположенном несколько западнее памятнике Цзяху 2–3 (5300–4900 гг. до н.э.). Своего расцвета она достигает в середине V тыс. до н.э. – на памятнике Шуандунь (некалиброванные радиокарбонные даты в диапазоне: 4465±145 – 3985±160 гг. до н.э.)[16]. Всё это свидетельствует об очень высоком уровне развития местного социума в то время [17; 18; 51; 52]. Для того же времени письменность на Нижней Хуайхэ зафиксирована на памятнике Лунцючжуан 龙虬庄 (в конце его раннего периода, то есть ок. 4500–4300 гг. до н.э.) [54].

Великая равнина. На пространстве к северу от долины р. Хуайхэ по мере окончательного формирования будущей Великой Равнины (этот геоморфологический процесс завершился ок. 1300 г. до н.э.) происходило постепенное смыкание земель юга Древнего Приморья с юго-западной частью Шаньдуна.

Сначала Великая равнина появилась как протянувшаяся между ними сравнительно узкая полоса земель, пригодная для проживания земледельцев. В среднем неолите (4500–3500 гг. до н.э.) площади заселяемые земледельцами расширялись, а численность населения увеличивалась. Но процессы эти, как и везде, в зависимости от экологических, социальных и прочих условий то ускорялись, то замедлялись [2, с. 78–83; 16, с. 8; 41, pp. 176–188, 194–222; 56]. Соответственно, Великую Равнину по этой линии в то время заселяли выходцы и с Шаньдуна, и из «Суншаньского» аграрного очага (далее а.о.; это видно по находкам расписной керамики с сакральными символами). Они сомкнулись к середине II тыс. до н.э., тогда и оформилась Великая Равнина как шестая «историко-культурная зона». А затем в позднем неолите (3500–2500 гг. до н.э.) и энеолите (2500–1800 гг. до н.э.) шаньдунцы явно уступали выходцам с «Суншаньского» а.о. (это видно по распространению типичного для *хуася* горшка-трипода с полыми ножками и сосудов с грубыми «расчёсами») [56, с. 179, 184].

Средняя Янцзы. Социальное развитие предков хмонг-мьенских народов шло несколько медленнее и неравномерно. Наиболее развитой район – «лисяньский» аграрный очаг, расположенный в долине р. Лицзян, с запада впадающей в оз. Дунтинху; он с VIII по III тыс. до н.э. развивался очень динамично, а затем уступает лидирующие позиции (уже в политическом отношении) более северным аграрным очагам, расположенным к востоку от выхода Янцзы из ущелья Санься в долину Лянху. Здесь во второй половине III тыс. до н.э. существует культура Шицзяхэ 石家河 (2600–2000 гг. до н.э.), для которой характерно наличие городского поселения, использование письменности и нефритовых изделий, а также пряслиц, давших, кстати, наиболее ранние свидетельства важнейшего символа даосизма – хорошо известной схемы движения сил *инь* и *ян*. На ее основе возник ряд ранних государственных образований, собирая которые к концу II тыс. до н.э. сформировалось царство Чу.

2. Современная картина формирования *хуася* (восточной группы сино-тибетцев) и специфика их расселения в VI–IV тыс. до н.э.

В древней Восточной Азии сино-тибетцы могли появиться ок. VI тыс. до н.э. или даже несколько позже, т.е. в ранне-среднем неолите (5500–4500 гг. до н.э.). Распад сино-тибетского на китайский и тибето-бирманский датируется серединой V тыс. до н.э., т.е. началом среднего неолита (4500–3500 гг. до н.э.) [21, с. 43; 47, с. 806–820].

Формирование *хуася*. Район, применительно к которому можно говорить с определённостью о материальной культуре *хуася*, – это бассейн Средней и Нижней Вэйхэ. *Хуася*, видимо, пришли сюда с запада, с Верхней Хуанхэ.

Неясно, появились ли они здесь уже в сложившемся виде или вначале, в VI тыс. до н.э., сино-тибетцы занимали и Верхнюю, и Среднюю Хуанхэ, а разделились уже позднее.

В ранне-среднем неолите (5500–4500 гг. до н.э.) Средняя Вэйхэ и Верхняя Ханьшуй, северная и южная часть Древнего Приморья были, по-видимому,

населены родственными народами. Этим можно объяснить определённое сходство трёх культур: Лаогуаньтай (5200–4800 гг. до н.э.), Пэйлиган 裴李岗 (5500–4900 гг. до н.э.), Цышань 磁山 (5400–5100 вв. до н.э.). Некоторые черты сближают Пэйлиган с более южной культурой Цзяху 2–3 贾湖 (5300–4900 гг. до н.э.).

В среднем неолите (4500–3500 гг. до н.э.) сино-тибетцам принадлежит на Средней Хуанхэ культура Баньпо-1 半坡 (4100–3500 гг. до н.э.) «Сианьского» а.о. на р. Вэйхэ; культура Саньлицяо 三里桥 (4000–3300 гг. до н.э.) в районе «Стыка» (участка долины Хуанхэ к западу и востоку от ущелья Саньмэньься) может свидетельствовать о первых попытках их продвижения на восток. Они тогда же заселяют на северо-востоке долину р. Фэньхэ.

В позднем неолите (3500–2500 гг. до н.э.), судя по данным археологии, уже существует этническая группа *хуася* как восточная ветвь синотибетцев. В долине р. Вэйхэ («Сианьский» а.о.) сложным этническим процессам, сопровождавшим складывание этого народа, могли соответствовать смены культур Шицзя 史家 (3200–2900 гг. до н.э.) и Баньпо-2 (2800–2500 гг. до н.э.). Северо-восточнее, в «Фэньхэском» а.о. – это культура Таосы-1 陶寺 (2800–2300 гг. до н.э.), а в восточной части, на «Стыке», – культура Мяодигоу-1 庙底沟 (3300–2800 гг. до н.э.) и культура Сиванцунь 西王村 (2900–2500 гг. до н.э.). Все они в той или иной степени – родственны. О присутствии *хуася* на юге Древнего Приморья, в «Суншаньском» а.о., говорит материал культур Дахэцунь 1–2 大河村 (3300–3100 вв. до н.э.) и Циньванчжай 秦王寨 (3000–2400 гг. до н.э.). Но заметно и значительное влияние выходцев из Шаньдуна и из долины Хуайхэ, чей культурный импульс сказывался в среде населения «Стыка». Всё это позволяет говорить о том, что предки *хуася* контактировали с носителями аустрических культур.

В энеолите (2500–1800 гг. до н.э.), в бассейне Средней Хуанхэ продолжалось этно-культурное сближение населения аграрных очагов: долин рек Вэйхэ и Фэньхэ, участка Хуанхэ на выходе из ущелья Саньмэньься, юга Древнего Приморья («Суншанского» а.о.) и ряда очагов севера Древнего Приморья. В эти века представители аустрических народов средней и нижней частей долины р. Ханьшуй в рамках аналогичных процессов стали тяготеть к государствам Средней Янцзы.

***

Для понимания исторического процесса в регионе Восточная Азия, особенно в контексте формирования *хуася*, принципиально важен крупный аграрный район вне Региона, на Верхней Хуанхэ, тысячелетиями самостоятельный по отношению к Региону, – это группа долин близ современного города Ланьчжоу.

Верхняя Хуанхэ. Здесь начали свою историю собственно тибетцы. Это восточный конец широтного степного коридора, связывающего Восточную Азию с Центральной Азией, по которому шли интенсивные культурные контакты. Это единственный «вход» в Восточную Азию из больших культурно-сопоставимых регионов: Центральной Азии и Южной Сибири. Связи на Востоке, кроме долины р. Вэйхэ, у него отсутствуют; все связи –

на Западе и Юге. Они шли тысячелетиями в трех направлениях: на запад по степи в Центральную Азию, на юго-запад, в северную часть Тибетского нагорья и на юг на Верхнюю Янцзы. Это область не являлась густонаселённой, но по ней перемещались заметные группы населения. Плотность земледельцев в различных районах Верхней Хуанхэ разная – в районе Ланьчжоу сравнительно большая, демографический потенциал сельскохозяйственного населения Верхней Хуанхэ здесь достаточно высок; севернее (район г. Синин, пров. Цинхай) он ниже.

На Верхней и Средней Хуанхэ произошло разделение сино-тибетцев на предков китайцев (*хуася*), заселивших земли в бассейне Средней Хуанхэ, и родственных им тибетцов (*цянов* и др.), живущих на Верхней Хуанхэ. Отделение предков *хуася* («синов») от тибетцев – это отделение Средней Хуанхэ от Верхней. Тибетцы продвигались оттуда в основном на юг; на юго-западе они, видимо, и заселяли менее перспективный с земледельческой точки зрения восток Тибетского нагорья. Они первыми, а не *хуася*, получили где-то к середине II тыс. до н.э. южно-сибирский («карасукский») импульс, приведший к использованию бронзовых ножей: это культура Мацзяяо 马家窑 (2600–2100 гг. до н.э.), а несколько позднее – и других предметов в рамках культуры Цицзя 齐家 (2100–1600 гг. до н.э.).

На Верхнюю Янцзы, в Сычуаньскую котловину, пошли окончательно отделившиеся от тибетцев ок. II тыс. до н.э. и ставшие там рисоводами, тибето-бирманские народы. Так тибетцы разделились на рисоводческую группу на юге и на суходольных просоводов на севере. Сложение тибето-бирманцев стало следствием переселения и освоения аграрных очагов Сычуаньской котловины и соседних земель на Верхней Янцзы. При этом площади освоенных аграрных очагов здесь были тогда сравнительно небольшими – сложившаяся там яркая культура Саньсиндуй (1300–1100 гг. до н.э.) занимает небольшую территорию в её западной части (впрочем, район ещё слабо исследован).

В середине II тыс. до н.э. на Верхней Хуанхэ появились, по мнению ряда учёных, и индоевропейцы из Центральной Азии. Во всяком случае, позднее, в середине I тыс. до н.э. индоевропейцы (саки) достигли оз. Дяньчи (пров. Юньнань), где вступили во взаимодействие с пара-таями верховий Красной реки, которая находилась в ареале распространения аустроазиатской Донгшонской цивилизации Диен [4; 11].

Как видим, Верхняя Хуанхэ играла принципиально важную роль в истории формирования предков *хуася* (восточной группы сино-тибетцев) – тут жили их ближайшие родственники. При этом этническое движение *хуася* на запад вплоть до периода Западной Хань (206 г. до н.э. – 8 г. н.э.) не прослеживается – они были устремлены на благодатный восток, а их переселение в некоторые области Верхней Хуанхэ начнётся уже во II тыс. н.э. после уничтожения государства тибетцев Си Ся.

***

Далее скажем несколько слов о соседях на севере и северо-востоке.

К **северу** от районов расселения сино-тибетцев лежала евразийская степь, её наиболее дальняя восточная, изолированная часть, отделённая

от Восточной Азии пустыней и горами. Население северной части «П-образного» изгиба Хуанхэ в V тыс. до н.э. явно отличалось от населения Средней Хуанхэ, долины Вэйхэ, но контактировало с ним.

К **северо-востоку** лежит крупный земледельческий район – долина р. Ляохэ, ландшафтно, горами и лесами, отделённый от северной части Древнего Приморья. В III–II тыс. предки *хуася* начинают контактировать с народами этой долины. Постепенно они всё более становятся объектом воздействия со стороны *хуася*. До появления всадников (конец II тыс. до н.э.) народы этих земель не принимали активного участия в социальных и политических процессах на Средней и Нижней Хуанхэ, даже в период Чжаньго (453–221 гг. до н.э.). Но сближение, во всяком случае, её юго-западной части, с аграрными очагами Региона Восточная Азия, расположенного южнее, шло уже в III тыс. до н.э.

***

Итак, территория, на которой развивалась история предков этнических китайцев (*хуася*) – это Средняя Хуанхэ (бассейн Средней и Нижней Вэйхэ, долины Фэньхэ, «Стык») и Древнее Приморье. Они во всё большей степени контактировали с народами Средней и Нижней Янцзы и Шаньдуна. С начала III тыс. до н.э., на юге Древнего Приморья, у них появлялась возможность обрести свой большой аграрный район – участок Великой равнины. Постепенно по численности населения они оказались сопоставимы с аустроазиатами Нижней Янцзы, а со второй половины II тыс. до н.э. начали опережать их в темпах социального развития.

3. Восточная Азия в III – начале II тыс. до н.э.: о феномене «энеолитической государственности» в бассейне Нижней Янцзы и на Шаньдуне

В этот период самые развитые области Восточной Азии – это Нижняя Янцзы и Шаньдун, при этом наиболее существенные достижения в социальной и культурной сфере с точки зрения накопления «социального опыта» вырабатываются на Нижней Янцзы. Там к середине III тыс. до н.э. у носителей культуры Лянчжу-3 (поздний период, 2400–1900 гг. до н.э.) уже существует несколько государственных образований (см. Приложение, рис. 1). Из них самое крупное и лучше всего изученное – «царство Мо» (по памятнику Моцзяошань) [8; 14; 26; 27; 28; 58]. Его можно отнести к числу ранних государств «номового» типа [22, с. 139–140]. Как и в древнем Египте, номы в районе оз. Тайху имели свои номовые значки – это изображение птицы с дополнительными символами в картуше (см. Приложение, рис. 2, 1–5). «Царство Мо», как и другие в районе оз. Тайху, занимало участок долины реки (р. Шаоси), на его территории обнаружены следы искусственных каналов и несколько населённых пунктов городского типа [14, с. 22–23]. Среди городских поселений выделяется столица площадью ок. 300,000 кв. м. с дворцом (см. Приложение, рис. 3). В её округе располагались отдельные храмовые и погребальные комплексы с храмами-алтарями в виде пирамид [14, с. 24–30].

Выделим ряд признаков, которые представляются наиболее существенными с точки зрения дальнейшего развития институтов и атрибутов государственности в Восточной Азии.

Древнейшие письменности. Знания современных ученых о древнейших письменностях Восточной Азии принципиально отличаются от смутных представлений прошлых десятилетий [9; 17; 18]. Ранние иероглифические письменности самостоятельны, многие восходят к «архиву» из Шуандуня (середина V тыс. до н.э.); уже можно порой проследить этапы их развития и пути распространения[17]. Возникнув в V тыс. до н.э. на территории севера Нижней Янцзы (на Нижней Хуайхэ) в IV–III тыс. до н.э., они получили распространение на небольшой территории одного или нескольких соседних пред-государственных и раннегосударственных образований на востоке Нижней Янцзы (в бассейне оз. Тайху), существовавших у носителей культур Сунцзэ (3600–2700 гг. до н.э.) и Лянчжу-1 (3300–2700 гг. до н.э.).

В энеолите (2500–1800 гг. до н.э.) в различных номах ареала Лянчжу-2 (2700–2400 гг. до н.э.) и Лянчжу-3 (2400–1900 гг. до н.э) обнаружено несколько вариантов письменностей[18]. Было несколько типов письменности. Известно и строчное, и колоночное письмо. Тексты – средней длины и отдельные иероглифы (не тамги и не хозяйственные пометы) обнаружены как на сосудах, так и на сакральных предметах из нефрита [9; 50, с. 73–74]. Сфера использования письма была ещё сравнительно ограничена: в храмах – для надписывания сосудов ритуальных, в быту – для надписывания (маркировки) сосудов бытовых. Есть основания считать, что форма иероглифов, используемых в сакральной и профанной сферах, порой различалась (см. Приложение, рис. 8).

На Шаньдуне есть несколько свидетельств использования письменности. Самый яркий пример – текст на «остраконе», найденный в северной части Шаньдуна в слое (!) на городском памятнике Дингунцунь 丁公村 (уезд Цзоупин 邹平), который датируется временем 2400–1900 гг. до н.э. «Остракон» по форме напоминает культовый предмет культуры Лянчжу – нефритовое навершие костяного гребня в форме трапеции. Текст пространственно организован четко, знаки расположены на одной линии в пять колонок и в два ряда (один – в третьем; не поместился). Надпись процарапана аккуратно, почерк уверенный, иероглифы написаны человеком, который писал много и часто [56].

Южнее, на Нижней Хуайхэ, на уже упоминавшемся памятнике Лунцючжуан вне слоя была обнаружена уникальная билингва, которая ориентировочно может быть датирована началом II тыс. до н.э. Это полностью сохранившаяся надпись на фрагменте сосуда – с левой стороны нанесён столбик иероглифов из комбинаций коротких черт, написанных неуверенной рукой, а справа дается их «объяснение», написанное строчным слитным очень уверенным письмом. Эта надпись зафиксировала контакты между носителями разных культур – у грамотных людей была потребность в переводах с одного письменного языка на другой [54, с. 205].

Второй, строчный тип письменности может быть отнесён к названной нами «у-юэской» письменности, которая является наследником

письменности Шуандуня, но где же возникли иероглифы из коротких черт? Месторасположение памятника подсказывает, что это может быть Шаньдун (обратим внимание на сходство с *цзягувэнь,* которая известна примерно с 1250 г. до н.э.).

В ранней бронзе (1800–1400 гг. до н.э.) на Нижней Янцзы схожие с Мо по уровню развития государственные центры пока не обнаружены. На эпонимном памятнике культуры Мацяо (1600–1300 гг. до н.э.) представлена сложная система иероглифического письма. В сакральной сфере широко применялось упомянутое «у-юэское» письмо, для которого характерна слитная запись в строчку [20, с. 262–295]. Она же использовалась носителями культуры бассейна оз. Поянху – Учэн (1600–1200 гг. до н.э.). Была она знакома позже и в Шан (ок. 1300–1027 гг. до н.э.), где использовалась наряду с надписями на костях и панцирях черепах, но значительно реже и на иных носителях (см. Приложение, рис. 9)[9].

Атрибуты власти из нефрита. Именно на Нижней Янцзы формируется первый в Восточной Азии комплекс атрибутов высшей власти из нефрита: навершия жезлов-*цун* с изображениями одного или двух божеств, навершия парадных гребней с такими же изображениями, кольца-*би*, топоры-*юэ*, стержни-подвески и др. Все они получают распространение и за пределами Нижней Янцзы. Наиболее значимы – *цуны* (см. Приложение, рис. 4).

На некоторых их этих изделий есть стандартизированные изображения антропоморфных божеств, что свидетельствует о существовании в ранних государствах Нижней Янцзы сложной религиозной системы. Обычно – это голова одного божества, реже – вместе с фигурой другого. Они также получили широкое распространение. Например, *цуны* со схематизированным изображением головы высшего божества распространяются и на юг от бассейна Янцзы, в низовьях реки Сицзян. Они также встречены в раскопках крупных памятников *хуася* II тыс. до н.э. (Таосы, Эрлитоу, Эрлинган, Шан и др.). Отметим, что у *хуася* III–II тыс. до н.э. не было культуры изображения антропоморфных богов, единственное исключение – изображение *тао-те* на бронзовых сосудах, которое очень схоже с упрощённым изображением этого «главного божества» аустроазиатов на *цунах* (см. Приложение, рис. 5–7).

Двузубые клевцы. В начале 2 тыс. до н.э., на следующем этапе после распространения нефритовых изделий, повсюду в Восточной Азии (кроме Нижней Янцзы) обнаружены нефритовые двузубые жезлы (или их варианты – с закругленным или со скошенным верхом). Это еще один символ высшей светской власти, появление которого отражает процесс усложнения высшей политической власти. Поскольку они не были приняты носителями протоюэской культуры, то это значит, что в долине Янцзы (пока точно не определено где) на закате государственности Лянчжу возник и развивался еще один центр с огромной степенью влияния. Возможно, они возникли где-то на Средней Янцзы, но судить точнее сложно, поскольку районы между крупными аграрными очагами раскопаны ещё далеко не достаточно. Покрывая всю территорию распространения *цунов*, они встречаются значительно

шире – на Верхней Янцзы, в бассейне реки Сицзян, в северной части Вьетнама, есть они и в землях *хуася* (Эрлитоу).

Появление изделий из металла. Уже говорилось, что аустрическую цивилизацию на Нижней Янцзы трудно считать неолитической. Такой высокий уровень социального развития, который встречается на памятниках культур Лянчжу 2 и 3, обычно предполагал наличие изделий из металла. Высокий уровень технологии изготовления сложных нефритовых изделий, которая предполагала тончайшую гравировку сложных изобразительных образов, позволяет допускать возможность использования металлических предметов [49]. Отсутствие изделий из металла (до Мацяо) в погребениях на Нижней Янцзы можно объяснить тем, что ещё не произошла смена погребального обряда, тем более при таких устойчивых и консервативных погребениях, как царские и жреческие.

Южнее, в аустроазиатских долинных районах Среднего Меконга (Центральный Индокитай) еще во второй половине III тыс. до н.э. широкое распространение получили бронзовая втульчатая мотыга и топор-кельт, которые во II тыс. до н.э. встречаются на всём аустроазиатском юге – от Янцзы (Мацяо, Учэн, Синьгань) до Индокитая.

Распространение «социального опыта» Нижней Янцзы. При рассмотрении особенностей распространения социального опыта важно учитывать ландшафтные границы, отделяющие аграрные очаги друг от друга, а в государственный период – расстояния, разделявшие центры распространения древнейших государств. Только на Нижней Янцзы в районе оз. Тайху и на севере Шаньдуна в III тыс. до н.э. государства практически примыкали друг к другу. В таких областях обмен социальным опытом шёл наиболее интенсивно; эти общества, до определённого предела, развивались наиболее динамично.

Движение цивилизации Нижней Янцзы на север, как уже говорилось, шло через долину Хуайхэ и контактные земли на юге Древнего Приморья. Широкое распространение нефритовых символов власти говорит о том, что влияние проникало везде, где возникали сложные социальные структуры и появлялась потребность в соответствующем «социальном опыте». Его движение на юг было более интенсивным, чем на север, поскольку там оно шло среди родственных протоюэских этносов вдоль берега моря до бассейна Сицзяна включительно (совр. пров. Фуцзянь, Гуандун). Судя по распространению сакральных изделий из нефрита, на уровне верований эти связи были очень обширными и регулярными, и они тоже носили «верхушечный» характер, поскольку ни по керамике, ни по другим массовым категориям изделий такой же общности не прослежено.

Контакты шли не только по Янцзы и по морскому побережью, но и в меридиональном направлении – между аграрными очагами внутри Региона. Уже во II тыс. до н.э., в состав распространения высокой протоюэской культуры вошли все земли от Нижней Янцзы до низовий Жемчужной реки (р. Сицзян). Далее на юг, в бассейн Красной реки, из-за ландшафтной границы, проникало далеко не всё. Там в то время формировался свой этно-культурный очаг – менее социально развитый, чем на Нижней и Средней Янцзы.

Отметим также наличие сухопутных меридиональных связей Средней Янцзы с Индокитаем через северные притоки Сицзяна и далее на юг и связи Верхней Янцзы со Средним Меконгом. Эти пути пока изучены недостаточно [5, с. 206]. В целом могут быть выделены четыре линии «вертикальных» связей бассейна Янцзы с Индокитаем: 1) Нижняя Янцзы – побережье – долина Красной реки; 2) Средняя Янцзы – Средний Сицзян – Верховья Красной реки; 3) Верхняя Янцзы – южные притоки Янцзы – Средний Меконг; 4) Верхняя Янцзы – Верхняя Иравади – Нижняя Иравади.

***

Во II тыс. до н.э. многие достижения жителей зоны Нижней Янцзы оказали заметное влияние на социальное развитие и верования земледельческих обществ различных областей Восточной Азии, прежде всего бассейна Средней и Нижней Хуанхэ. Сами рисоводы массово продвигаться на север, на Великую Равнину, не могли (напомним, что изотерма, разграничивающая зоны умеренного и субтропического климата, проходит приблизительно по долине Хуайхэ); севернее её рис не рос, там и жили *хуася* [63, с. 67–68]. Хотя социально-политические возможности в III–II тыс. до н.э. (да и в I тыс. до н.э.) у южан были. В результате у предков *хуася*, земли расселения которых включали растущую Великую Равнину, постепенно образуется значительный демографический потенциал. Во II тыс. до н.э. начинает складываться своя государственность.

Итак, если на Нижней Янцзы государственность сформировалась в энеолите и является «первичной» для региона Восточная Азия, то у *хуася* в бассейне Средней Хуанхэ государственность может быть прослежена на тысячу лет позднее, в ранней бронзе, и является «вторичной». Но и более «молодой», и, как покажет история, более перспективной.

4. Восточная Азия во II тыс. до н.э.: возникновение государственности в бассейне Средней Хуанхэ

В конце III – начале II тыс. до н.э. очаги на Средней Хуанхэ сближались всё более интенсивно, но до завершения этого процесса потребуется ещё около тысячелетия.

1. В энеолите (2500–1800 гг. до н.э.) именно «Стык» и юг Древнего Приморья, где у *хуася* были регулярные контакты с миром Шаньдуна и Янцзы, были более развиты, чем долина р. Вэйхэ, где археологическая картина ещё недостаточно ясна – после явно неолитической культуры Кэшэнчжуан-2 (2200–1800 гг. до н.э.) материала пока недостаточно, а затем явная средняя бронза. Западнее, на Верхней Хуанхэ, сменяли друг друга уже культуры эпохи бронзы: Цицзя (2200–1600 гг. до н.э.), Сыба (1900–1400 гг. до н.э.), Сыва (1400–1100 гг. до н.э.). Их создатели, вероятнее всего, являлись тибетцами. Быстро развивался и бассейн Фэньхэ, на эпонимном памятнике культуры Таосы (2300–1800 гг. до н.э.) уже есть бронза, возможно, это цивилизационный прорыв – создание *хуася* собственной культуры бронзы (хотя явно не ранней).

Ко II тыс. до н.э. земли Средней Хуанхэ, значительной части Древнего Приморья и прилегающих районов Великой Равнины стали местами проживания *хуася*. Как уже говорилось выше, судя по данным археологии, центр формирования сложных социальных структур у *хуася*, создающих условия для возникновения государственности, локализуется в восточной области их расселения, на юге Древнего Приморья, в «Суншаньском» а.о. и в примыкающей с запада долине р. Ло. Таким образом, центр *хуася* окончательно сформировался именно в районе «Суншаньского» а.о., и там же они получили потенциальную возможность выхода на Великую равнину и освоения новых земель.

На рубеже III и II тыс. до н.э. в «Суншаньском» а.о. и в расположенном к западу «Лоском» а.о. (бассейне р. Ло) у *хуася* начали возникать города и ранние государства. Это – памятники Пинлянтай культуры Ванвань (2100–1800 гг. до н.э.), Ванчэнган (1800–1600 гг. до н.э.), а также Эрлитоу-2 (1800–1600 гг. до н.э.). Эти городские поселения по архитектуре и некоторым инженерным решениям (строительство стен методом утрамбовки земли) напоминали города северной части Шаньдуна. Это и многое другое указывает на то, что верхние слои общества *хуася* продолжали активно усваивать социальный опыт государств Нижней Янцзы и Шаньдуна, в частности, многие из упомянутых выше изделий из нефрита, хотя и в упрощенной модификации, распространялись и здесь.

«Верхушечные контакты» оставались интенсивными, в это время всюду были распространены аустрические атрибуты высшей власти, которые могут быть отнесены к «нефритовому комплексу». Об этом говорит наличие в перечисленных памятниках Средней Хуанхэ изделий из нефрита, прежде всего наверший жезлов – *цунов*. Это позволяет понять механизм распространения позднее, в конце II–I тыс. до н.э. обратного «верхушечного» влияния *хуася*, когда распространялись уже их, т.е. чжоуские, атрибуты высшей власти (бронзовые сосуды и колокола).

2. В ранней бронзе (1800–1400 гг. до н.э.), приблизительно с 1600 г. до н.э. в землях *хуася* на юге древнего Приморья (в «Суншаньском» а.о. и несколько западнее, в долине р. Ло) в рамках Эрлитоу-3 (1600–1500 гг. до н.э.) возникает государственное образование; появляются городские поселения и несколько севернее в Дунсяфэне (с ок. 1600 гг. до н.э.). Во второй половине II тыс. до н.э. государственные образования *хуася* становятся «массовым явлением». Наиболее развитым является государственное образование с центром в Эрлигане (1400–1300 гг. до н.э.), расположенное на стыке «Суншаньского» а.о. и Великой Равнины. Там складывается уже сравнительно завершённая модель государственности, присущая *хуася*, – свой тип города, свой набор атрибутов царской власти (уже не из нефрита, а из бронзы!) и пр. Западнее, в долине р. Вэйхэ, древнейшие памятники, свидетельствующие о наличии государственности, относятся к более позднему времени (к концу II тыс. до н.э.) – это раннечжоуские дворцы политического центра чжоуской политии на территории городища в районе горы Цишань, на стыке «сианьского» а.о. на Средней Вэйхэ и Верхней Вэйхэ.

С середины II тыс. до н.э. «Суншаньский» а.о. и его округа всё более объединяется политически с аграрными очагами *хуася* на Лёссовой равнине с рекой Вэйхэ и др. Но и в эти столетия, до возникновения государства Шан ок. 1300 г. до н.э. с центром в районе совр. г. Аньян в южной части Севера Древнего Приморья, источником социального опыта во многом по-прежнему оставались традиции Нижней Янцзы.

В целом процесс формирования государственности у *хуася* схож с процессом её формирования у шумеров, пришедших в долины Нижней Месопотамии извне, откуда-то с северо-запада. Предки *хуася*, как шумеры и древние египтяне, получили широчайшие возможности расселения в ранее непригодных для сельскохозяйственной деятельности болотистых районах. Для *хуася* землю нанесло рекой, а шумерам изобретённые ими технологии позволили освоить древние болота. В обоих случаях расселение шло без сопротивления местного населения, которого здесь не было.

Ранняя государственность просоводов *хуася* на границе с Великой Равниной (Эрлиган, Шан) отличалась от номовых традиций и рисоводов Нижней Янцзы, и просоводов долины р. Ло. Исторически быстрое освоение больших пространств, с одной стороны, сделало государство большим по площади, с другой – привязывало общество *хуася* к своему обожествлённому верховному правителю как сакральной предпосылке этого освоения в ущерб общине, которая у просоводов была не столь сильной и автономной, как у рисоводов. В этом они схожи с древними египтянами.

Как и к шумерам, опыт освоения новых земель с помощью каналов и мелиорации приходит к предкам *хуася* извне, от предшествующих более древних «государственных» народов юга – в данном случае жителей Нижней Янцзы. Это нашло отражение в мифе *хуася* о том, как юэский бог Юй (молодой дракон – аустрический образ) осушал их земли на Великой равнине, а его отец Гунь (имевший образ медведя) не справился с этим и умер [3, с. 208–217; 6, с. 494–506]. Неслучайно именно юэскому (вьетскому) божеству Великому Юю в концепции «династии Ся» было присвоено место ее основателя – за этим стоит историческая память о заимствовании важнейшего «технологического» опыта южан[20]. В юэской же традиции Юй считался основателем династии правителей царства Юэ[21].

Напомним, что контакты историко-культурных зон бассейна Средней и Нижней Хуанхэ и Янцзы имели место задолго до начала политических контактов в I тыс. до н.э. До конца II тыс. до н.э. древние государства Нижней, Средней Янцзы и Шаньдуна развивались без сколько-нибудь существенного восприятия культуры и социальной структуры *хуася*. Напротив, во второй половине II тыс. до н.э. в бассейне Хуанхэ даже в Шан мы видим наличие южной парадной керамики [1; 20]. Одновременно археология позволяет увидеть, что ещё до начала I тыс. до н.э. шел процесс проникновения групп *хуася* внутрь рисоводческих районов. Их массовый крестьянский сосуд – грубый горшок трипод с полыми ножками проникал в отдельные южные районы на левом берегу Янцзы (но не на правом). При том, насколько видно по керамике, это проникновение не сопровождалось этно-культурным смешением. Долина

Хуайхэ – до сих пор не вошла полностью в мир ханьцев. Причина непроникновения *хуася* в I тыс. до н.э. в земли южнее Средней и Нижней Янцзы также определяется наличием там сильных государств (Юэ и Чу).

***

Итак, основа «двуединства» исторического Региона Восточной Азии, заключается в том, что, во-первых, аграрных земель хватало и аустрическим народам, и *хуася*, во-вторых, рисоводческие земли первых были на протяжении многих веков не нужны вторым. Массовых переселений крестьян *хуася* на Юг в древности не было. Основные контакты между социумами различных историко-культурных зон поддерживались именно на «верхушечном» уровне.

Заключение

История древней Восточной Азии – это история многопланового историко-культурного «великого сближения» сино-тибетских и аустрических народов, создавших сначала «двуединый» Регион, а затем на его основе уникальную «двуединую империю». При этом аустрические народы – «древние», аборигенные (это предки хмонгов, юэсцев, усцев, а также близкие к ним по верованиям восточные *и*, хуайские *и* и др.), а сино-тибетцы – «новые», хотя их приход и теряется в глубине VII–VI тыс. до н.э.

История их развития – это во многом история их взаимодействия и взаимовлияния. Активному взаимному восприятию социального и культурного опыта способствовали следующие исторические механизмы:

1. особая роль внутрирегиональных связей, ведущая, по мере роста плотности населения, сначала к культурному, а затем политическому сближению населения всех шести историко-культурных зон; контакты внутри Восточной Азии между народами всех историко-культурных зон были сильнее, чем вовне;
2. добровольное восприятие социального опыта на уровне элит, а не земледельческого населения, что позволило выделять особый, «верхушечный», тип контактов – в этом важнейшая особенность «двуединой империи» – она объединяет только верхи. Сначала, в III – первой половине II тыс. до н.э., в рамках «верхушечных» контактов, у древних народов Юга и Севера возникли общие черты в религиях верхов на основе южного «нефритового комплекса» ритуальных предметов и символов власти, а затем, с конца II тыс., на основе северного «бронзового комплекса»;
3. возникновение принципа «религиозной дополнительности» у всех народов Восточной Азии, в рамках которого сосуществуют, две-три общепризнанные религии или системы верований. В то время, как обычно в империи, побеждает одна вера (и не обязательно – завоевателей), а остальные уходят вглубь простонародной культуры и длительное время существуют в рудиментарном виде как ереси или суеверия.

Современные материалы заставляют отсчитывать историю государственности в Восточной Азии не с возникновения государства Шан (ок. 1300 г. до н.э.) и не ограничиваться только бассейном Средней Хуанхэ (долины реки Вэйхэ, Фэньхэ и земель по Хуанхэ до её выхода на Великую китайскую равнину), а с фиксации со второй половины III тыс. до н.э. в южной части Восточной Азии существования первого государственного образования номового типа – «царства Мо» на Нижней Янцзы (вероятнее всего, не самого раннего) и ряда других. Это позволяет поновому смотреть на исторический процесс в Восточной Азии, в частности даёт возможность проследить сложные процессы верхушечных контактов и смену их направлений в рамках «двуединого» Региона.

В III тыс. до н.э. основными источниками социального опыта для других народов являлись аустрические народы: протовьеты Нижней Янцзы, хмонги Средней Янцзы, аустроазиаты (и, возможно, аустронезийцы) Шаньдуна, мон-кхмеры Индокитая. Именно там сложилась своя модель государственности, первоначально номового типа, сформировались институты высшей власти, система верований в единое божество антропоморфного облика, городская жизнь, атрибуты власти из нефрита («нефритовый комплекс») и разновидности письменности, на основе одной из которых на рубеже III–II тыс. до н.э. возникло «у-юэское письмо» – отличное от шанской и чжоуской иероглифики, существовавшее уже в Мацяо и использовавшееся на протяжении Чуньцю и Чжаньго одновременно с иероглификой *хуася*.

Тогда, на протяжении III тыс. до н.э., *хуася* ещё не были ни самым сильным из народов Восточной Азии, ни самым многочисленным. Но постепенный рост плотности населения «Суншанского» а.о. и затем выход *хуася* на Великую равнину привёли к значительному увеличению их численности.

К середине II тыс. до н.э. оформилось демографическое и аграрное преимущество *хуася*, опиравшееся на север и центр Великой равнины и бассейны рек Ло, Вэйхэ и Фэньхэ, сложились и их устойчивые связи через область «Стыка». Подъём *хуася* стал возможен благодаря аграрному ресурсу Великой Равнины и обретению огромных земельных угодий без военных усилий. В этих условиях происходил быстрый экономический рост и усложнение социальных структур, что вело к созданию государственности. Для обществ с таким обширным аграрным ресурсом (шумеры, древние египтяне) характерен быстро растущий военный и экономический потенциал. Параллельно шло расшатывание традиционных родовых структур, и формировались новые, более сложные, социальные отношения и социальные связи, которые более соответствовали новым историческим условиям. Благодаря этому именно у предков *хуася* оказался и наибольший демографический ресурс, тем более что им досталась большая часть Великой Равнины, чем восточным *и* Шаньдуна и хуайским *и* долины Нижней Хуайхэ.

В последней четверти II – первой четверти I тыс. источником социального опыта в Регионе всё более становятся *хуася*, заселявшие и осваивавшие

Великую равнину. К концу II тыс. до н.э. у жителей Юга, в рисоводческой среде субтропиков, социальные процессы утрачивают динамизм. В эти же века, отчасти на основе восприятия их опыта, в государствах *хуася* завершилось формирование «бронзового комплекса» ритуальных предметов и других символов власти, которые были вскоре восприняты и южанами. Они свидетельствуют о формировании прямых связей «монарх–подданный» минуя традиционные родовые и территориальные связи. Неслучайно вскоре они были восприняты в государствах *хуася* – в рамках культур Эрлиган (ок. 1400–1300 гг. до н.э.) и Шан (1300–1027 гг. до н.э.). Социальный опыт *хуася* принимал такие формы, которые станут нормой для верхов различных историко-культурных зон в дальнейшие периоды истории Региона.

В период Западного Чжоу (1027–771 гг. до н.э.) *хуася* в своём развитии окончательно догнали «древние» народы и выработали социальную систему и сакральную структуру, которая оказалась исторически перспективной – власть монарха обожествлялась у *хуася* больше, чем у «древних» народов. Развитая, но ещё не слишком сложная бюрократическая система управления с прямой связью монарха и местных лидеров и их письменность оказались привлекательными для древних народов Восточной Азии. Тогда же завершилось создание письменного языка верхов на основе иероглифики *хуася*. Распространявшийся затем на юг и восток с иероглифическим письмом «литературный» язык *хуася* далеко не всегда был языком завоевателей, а воспринимался добровольно и стал языком управленцев как один из атрибутов высшей власти. Во всех остальных сферах сохранялись местные языки. Важнейшим верованием становится культ предков правящей династии.

В I тыс. до н.э. исторический процесс во многом определялся борьбой за экономическое и политическое подчинение Великой Равнины. Именно процесс её хозяйственного освоения *хуася* может считаться ключевым с точки зрения формирования «двуединого» Региона. Так складывались предпосылки для его возникновения. Они же привели к образованию в конце I тыс. до н.э. уникальной «двуединой империи», каковой были Цинь, Западная и Восточная Хань, другие, более поздние, сохранявшие тот же характер. Во всемирной истории полной аналогии столь долговременной «двуединой империи» не найти. И в то время, и сейчас в землях южнее Янцзы, вошедших в состав империи *хуася*, сохраняется двуязычие и очевидно этно-культурное разделение на северян и южан.

Примечания

[1] Впервые концепция «двуединого» Региона была сформулирована нами в работе 2008 года. См. [10, с. 50–52].

[2] Это хорошо показано в коллективном труде отечественных учёных: *Крюков М.В.*, *Софронов М.В.*, *Чебоксаров Н.Н.* «Древние китайцы: проблемы этногенеза» (глава 2 «Неолитические истоки») [29]. О культурной неоднородности неолитического Китая также писала М.Е. Кравцова [28, с. 78–81].

[3] При этом начало Эрлитоу даётся со значительным удревнением (опираясь на небесспорные калиброванные радиокарбонные даты) с 2100 по 1800 гг. до н.э., а начало Шан (опираясь на предание о первопредках) также удревняется на четыре столетия, с ок. 1300 на ок. 1600 г. до н.э. [61, с. 8–9 и др.].

[4] Специфика развития археологической науки в КНР заключается в том, что если качество проведения раскопок и публикаций материалов археологических памятников соответствуют современным требованиям, то их систематизация и общеисторические обобщения – не всегда строги и непротиворечивы. В частности, на них оказывают воздействие сохраняющиеся элементы «мифологического мышления» и «имперской идеологии».

[5] С отнесением Шаньдуна к «Нижней Хуанхэ» согласиться никак нельзя. Шаньдун – это отдельная историко-культурная зона, которая прилегает к Великой Равнине, но не сливается с ней. Мы считаем, что «Нижняя Хуанхэ» это не самостоятельная зона, а только северная часть Великой равнины.

[6] Стремление фиксировать такие исторические зоны на территории Восточной Азии не новы [53, 59, 60].

[7] Ещё в 1978 г. М.В. Крюков писал о «хозяйственно-культурных зонах на территории Китая в эпоху неолита» [29, с. 80–85]. Несколько ранее, в 1972 г., Р.Ф. Итс выделил и описал историю «историко-географических областей» юга Восточной Азии [23, с. 47–53].

[8] Первое издание этого атласа приходится на 1984 г. Помещённые в нём карты отражают историю геоморфологического процесса превращения Древнего Пролива в Великую равнину [21, с. 42]. Об этом также писал Чжан Гуанчжи в четвёртом издании своего обобщающего труда по археологии Китая (1986 г.) [38, p. 74–75].

[9] Промежуточные итоги анализа политической истории этого периода изложены в написанных нами разделах нового издания «Всемирной истории» [32].

[10] Более подробную историко-археологическую характеристику см. [21, с. 39–62].

[11] Попытки, сочетая данные археологии и лингвистики, наметить исторические прародины народов и направления их миграций уже давно делаются специалистами. Интересные в методическом отношении подходы были предложены С.Л. Клейном [24; 25]. В частности он считает возможным, «определив лингвистическими методами вероятную прародину и время распада языковой семьи, археологически проследить миграции с соответствующей территории в соответствующее время» [25, с. 39]. Не менее интересны и замечания, сделанные С.В. Кулландой, историком и лингвистом, в рецензии на одну из этих книг [31, с. 153–160].

[12] В качестве примера приведем антропологическую реконструкцию, выполненную китайскими учёными по находкам в районе г. Нанкина; дата – ок. 4000 в. до н.э. Это ярко выраженный южный монголоид [18, с. 84]

[13] Концом V тыс. до н.э. датируются наиболее крупные серии, более 600 текстов, обнаруженных на памятнике Нижней Хуайхэ – Шуандунь. Причём это не «первонадписи», а массовые и уже «скорописные» тексты. У этого этноса, как и у некоторых других народов Древнего Востока, были два вида письма – для общения с богами и для общения с людьми [17; 18].

[14] Суншань 嵩山 – горный массив к юго-западу от г. Чжэнчжоу (совр. пров. Хэнань). Здесь истоки нескольких северных притоков р. Хуайхэ, бассейн которых формирует крупный аграрный очаг, названный нами «Суншаньским», он занимает значительную часть юга историко-культурной зоны Древнее Приморье.

[15] Для сравнения – до Шаньдуна ок. 400 км.

[16] Об обосновании выбора некалиброванных дат см. [29, с. 108; 21. с.44].

[17] В настоящее время нам известен 51 памятник с образцами письменности V–II тыс. до н.э.; и этот список явно не исчерпывающий [18, с. 85–90].

[18] По нашим данным, тексты и иероглифы этого периода обнаружены на 12 памятниках [18, с. 86–87].

[19] Шанский сосуд с двумя надписями подобными иероглифами был опубликован ещё довоенным исследователем шанского городища в районе г. Аньян, Ли Цзи [20, с. 295].

[20] Представления о Ся как династии правителей (духов или божеств!) сложились не в глубокой древности, а, по-видимому, в период Чжаньго (453–221 гг. до н.э.), когда одной из важнейших тем общественной мысли становится идея будущего объединения Поднебесной. Таким образом, это сфера идеологии, а не истории. В то же время данные представления несут в себе память о древней истории: возникновение древних государств в долине Янцзы и затем Хуанхэ, становление Великой Равнины и влияние опыта южан в её освоении, победы северян в её заселении и пр.

[21] С сообщения об этом начинается глава 41 «Наследственный дом юэского вана Гоу Цзяня» сочинения Сыма Цяня «Исторические записки» [34, том. VI, с. 16].

Литература

1. *Аникушина Е.С.* О внутренней структуре шанской политии: к проблеме неоднородности «Шанского нома» // XLI НК ОГК. М., 2011.

2. *Блюмхен С.И.* Становление династии Ся и «События 4200 ВР» в свете исследований китайских и западных ученых // XLII НК ОГК. Учёные записки отдела Китая. Вып. 6. Ч. 1. М., 2012.

3. *Деопик Д.В.* Элементы южной традиции в китайском мифе // III НК ОГК. Тезисы и доклады. Вып. 1. М., 1972.

4. *Деопик Д.В.* Всадническая культура в верховьях Янцзы и восточный вариант «звериного стиля» // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье / Под ред. *Б.Г. Гафурова* и *Б.А. Литвинского*. М., 1979.

5. *Деопик Д.В.* Юго-Восточная Азия. Глава 9. Каменный и бронзовый века // Археология зарубежной Азии. М., 1986.

6. *Деопик Д.В.* Чжао Е. У Юэ чуньцю («Вёсны и осени [царств] У и Юэ») // Вьетнам. История, традиции, современность. М., 2002.

7. *Деопик Д.В.*, *Ульянов М.Ю.* Ландшафтно-хозяйственные пределы зон интенсивного земледелия в регионе Восточной Азии в неолите // Эволюция социально-политических систем в древних и средневековых обществах (по археологическим и этноисторическим источникам). Тезисы докладов Всероссийской научной конференции / Отв. ред. *В.И. Гуляев*. М., 2006.

8. *Деопик Д.В.* Некоторые важнейшие аспекты формирования государственности в Восточной и Юго-Восточной Азии в III–II тыс. до н.э. // Ломоносовские чтения. Апрель 2007. Востоковедение. Тезисы докладов. М., 2007.

9. *Деопик Д.В.* О древнейших письменностях в Восточной и прото-Юго-Восточной Азии // Ломоносовские чтения. Научная конференция. Апрель 2008. Востоковедение. Тезисы докладов. М., 2008.

10. *Деопик Д.В.*, *Ульянов М.Ю.* Выявление аграрных очагов в Восточной и прото-Юго-Восточной Азии: на материале изучения археологических памятников неолита

и ранней бронзы (VI – нач. II тыс. до н.э.) // Ломоносовские чтения. Апрель 2008. Востоковедение. Тезисы докладов. М., 2008.

11. *Деопик Д.В.* Центральноазиатские связи раннегосударственных объединений в верховьях Сицзяна, Янцзы и Красной реки в позднем бронзовом – раннем железном веке // Традиционный Вьетнам. Выпуск 3. М., 2008.

12. *Деопик Д.В.*, *Ульянов М.Ю.* Основные этапы исторического процесса в регионе Восточная Азия в IX – I тыс. до н.э. // Научная конференция Ломоносовские чтения. Апрель 2009. Востоковедение. Тезисы докладов. М., 2009.

13. *Деопик Д.В.*, *Комиссаров С.А.*, *Ульянов М.Ю.* Китай: Древнейшие археологические культуры на территории Китая // Большая Российская энциклопедия. Т. 14. М., 2009.

14. *Деопик Д.В.* Царство Мо – первое государство Региона Восточной Азии (прото-ЮВА) // Губеровские чтения. Сб. 1. М., 2009.

15. *Деопик Д.В.*, *Ульянов М.Ю.* Исторические границы Восточной и Юго-Восточной Азии // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов научной конференции (Москва, 16 апреля 2010 г.). М., 2010.

16. *Деопик Д.В.* Четыре этюда об истории древней Восточной Азии: взгляд с Юга // XLI НК ОГК. М., 2011.

17. *Деопик Д.В.*, *Ульянов М.Ю.* Ранняя аустрическая письменность: массив надписей V тыс. до н.э. из Шуандуня (пров. Аньхой, КНР) // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов научной конференции (Москва, 14 ноября 2011 г.). М., 2011.

18. *Деопик Д.В.*, *Ульянов М.Ю.* Современные данные о древнейших письменностях в Восточной Азии и связанные с ними знаки и тексты // Вопросы эпиграфики. Вып. 5. М., 2011.

19. *Деопик Д.В.* Четыре этюда об истории древней Восточной Азии: взгляд с Юга // XLI НК ОГК. М., 2011.

20. *Деопик Д.В.*, *Ульянов М.Ю.* К предыстории царств У и Юэ: Нижняя Янцзы после Лянчжу (II тыс. до н.э.) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Выпуск XVI (ЮВА 2010–2011). М., 2011.

21. *Деопик Д.В.*, *Ульянов М.Ю.* Историко-археологическое описание региона Восточной Азии в X–I тыс. до н.э. // XLII НК ОГК. Учёные записки отдела Китая. Вып. 6. Ч. 1. М., 2012.

22. *Дьяконов И.М.* Протописьменный период в Двуречье // История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации / Под ред. *И.М. Дьяконова*. М., 1983.

23. *Итс Р.Ф.* Этническая история юга Восточной Азии. М., 1972.

24. *Клейн Л.С.* Древние миграции и происхождение индоевропейских народов. СПб., 2007.

25. *Клейн Л.С.* Время кентавров. Степная прародина греков и ариев. СПб, 2010.

26. *Кравцова М.Е.* История искусства Китая. СПб., 2004.

27. *Кравцова М.Е.* Архаико-религиозные истоки института верховной власти в Китае // Религиоведение и востоковедение. Вторые Торчиновские чтения. СПб., 2005.

28. *Кравцова М.Е.* Народные верования и государственные культы. Верования и культы эпохи неолита // Духовная культура Китая: энциклопедия. Т. 2. Мифология. Религия. М., 2007.

29. *Крюков М.В.*, *Софронов М.В.*, *Чебоксаров Н.Н.* Древние китайцы: проблемы этногенеза. М., 1978.

30. *Кулланда С.В.* История древней Явы. М., 1992.

31. *Кулланда С.В.* Рец. на: *Лев Клейн*. Время кентавров. Степная прародина греков и ариев. СПб.: Евразия, 2010. 496 стр., 153 рис., 49 цветн. илл. // Вопросы языкового родства, 2012, № 7.

32. *Кучера С.И.*, при участии *Деопика Д.В.* и *Ульянова М.Ю.* Древний Китай (III–II тысячелетия до н.э.) // Всемирная история. Том 1. Древний мир. М., 2011.

33. *Сирк Ю.Х.* Австронезийские языки: Введение в сравнительно-историческое изучение. М., 2008.

34. *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи) / Пер. с кит., комм. *Р.В. Вяткина*. Т. VI. М., 1992.

35. *Baxter W.* The nature of the Chinese-Austronesian interface // Warring States Working Group, University of Massachusetts, Amherst, 5–7 May 2000.

36. *Blust R.* The Austronesian homeland: a linguistic perspective // Asian Perspectives, 1985, v. 26.

37. *Blust R.* Beyond the Austronesian homeland: the Austric hypothesis and its implications for archaeology // *Ward H. Goodenough* (ed.). Prehistoric settlement of the Pacific. Philadelphia: American Philosophical Society. 1996.

38. *Chang Kwang-chih*. Archaeology of Ancient China. New Hawen, L., 1986.

39. *Chang Kwang-chih*. Neolithic cultures in the coastal areas of Southeast China // Early China art and its possible influence in the Pacific Basin. N.Y., 1972.

40. *Chang Kwang-chih, Goodenough W.H.* Archaeology of Southeastern coastal China and its bearing on the Austronesian homeland // Transactions of the American Philosophical Society New Series. Vol. 86. No. 5. Prehistoric Settlement of the Pacific. 1996.

41. *Liu Li*. The Chinese Neolithic. Trajectories to Early States. Cambridge, 2004.

42. *Peiros I.* Some thoughts on the problem of the Austro-Asiatic homeland // Вопросы языкового родства, 2011, № 6.

43. *Peiros I.* Comparative Linguistics in Southeast Asia. Canberra, 1978.

44. *Sagart L.* Chinese and Austronesian: evidence for a genetic relationship // Journal of Chinese Linguistics. 1993. 21.

45. *Sagart L.* Proto-Austronesian and Old Chinese Evidence for Sino-Austronesian // Oceanic Linguistics, Vol. 33, No. 2 (Dec., 1994).

46. *Sagart L.* Sino-Tibeto-Austronesian: an Updated and Improved Argument // Ninth International Conference on Austronesian Linguistics (ICAL9). 8–11 January 2002. Canberra, Australia.

47. *Starostin S.A.* Indo-European among other language families: problems of dating, contacts and genetic relationships // *С.А. Старостин*. Труды по языкознанию, 2007.

48. *Xiaoneng Yang*. Reflection of Early China. Decor, Pictographs, and Pictorial inscriptions. Seattle–L., 2000.

49. *Бай Юньсян*. Чжунго дэ цзаоци тунци юй цинтунци дэ циюань (Период ранней бронзы в Китае и происхождение бронзовых изделий) // Дуннань вэньхуа, 2002. № 7.

50. *Жао Цзунъи*. Фухао, чувэнь юй вэньцзы – ханьцзы шу (Значки, протописьмо и письмо – китайская письменность). Гонконг, 1998.

51. *Кань Сюйкан*. Динъюань сянь Хоуцзячжай синьши ци шидай ичжи фацзюэ цзяньбао (Краткое сообщение о раскопках на неолитическом памятнике Хоуцзячжай, уезд Динъюань) // Вэньу яньцзю, 1989, № 5.

52. *Кань Сюйхан*. Шилунь Хуайхэ лююй дэ Хоуцзячжай вэньхуа (Предварительное исследование культуры Хоуцзячжай в районе реки Хуайхэ) // Чжунго каогу сюэхуэй ди цзю цы нянь хуэй луньвэнь цзи. 1993. Пекин, 1997.

53. *Ло Саньху*. Чжунго синьшици шидай дэ вэньхуа цюси юй фэньци (Культурные области и периодизация истории неолита Китая) // Сычуань дасюэ каогу чжуанье чуаньцзянь 35 чжоунянь цзинянь вэньцзи. Чэнду, 1998.

54. Лунцючжуан. Цзян Хуай дунбу синьши цишидай ичжи фацзюэ баогао (Лунцючжуан. Доклад о раскопках на неолитическом памятнике в восточной части области междуречья Янцзы и Хуанхэ). Пекин, 1999.

55. *Цай Фэншу*. Чэнчжи, вэньцзы цзи вэньмин цивюань (Происхождение города, письменности и цивилизации) // Чжунго ши яньцзю, 1997. № 1.

56. *Цзинь Сунъань*. Хэ Ло юй Хайдай дицюй каогусюэ вэньхуа дэ цзяолю юй жунхуа (Связи и объединение археологических культур районов Хуанхэ и Лохэ с районом Хайдай). Пекин, 2006.

57. *Чжан Гуанчжи*. Гудай Чжунго каогусюэ (Археология древнего Китая). Шэньян, 2002.

58. *Чжан Сюэхай*. Лунь Моцзяошань гуго (Исследование древнего государства Моцзяошань) // Лянчжу вэньхуа яньцзю. Пекин, 1999.

59. *Чжао Хуй*. И Чжунъюань вэй чжунсинь лэ лиши цюйши дэ синчэн (Исторический процесс формирования Великой равнины в качестве центра) // Вэньу, 2000. № 1.

60. *Чжао Чуньцин*. Луншань шидай Чжунъюань юй Хайдай дицюй вэньхуа фэньбу гэцзюй дэ бицзяо (Сравнение структуры культурных ареалов Центральной равнины и Шаньдуна в период Луншань) // Дунфан каогу, 2004, № 1.

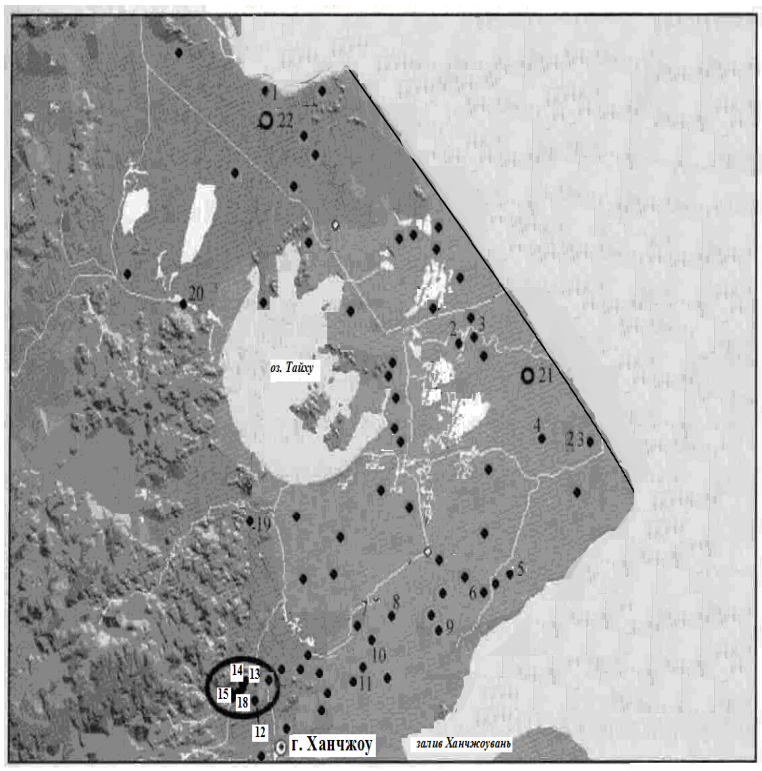
61. Чжунго каогусюэ. Синьшици шидай цзюань (Археология Китая. Неолит). Пекин, 2010.

62. Чжунго каогусюэ. Ся Шан цзюань (Археология Китая. Ся и Шан). Пекин, 2003.

63. Чжунго цзыжань дили туцзи (Атлас физической географии Китая). Пекин, 2000.

Приложение

1. Историко-культурная Зона «Нижняя Янцзы»: сучжоуский и север ханчжоуского аграрного очага*



Территория царства Мо

реконструированная береговая линия (3 тыс. до н.э.)

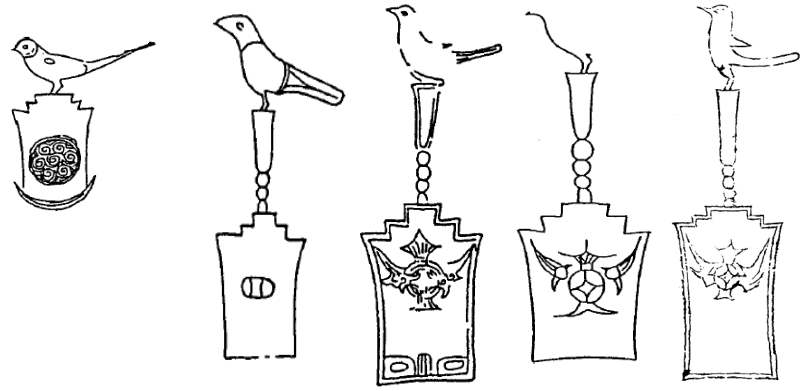
важнейшие археологические памятники

1. Гаочэндунь (高城墩)
2. Чжаолиншань (赵陵山)
3. Шаоциншань (少卿山)
4. Гуанфулинь (广富林)
5. Пинцюдунь (平丘墩)
6. Даймудунь (戴墓墩)
7. Синьдили (新地里)
8. Цзиньаньцяо (晋安桥)
9. Чжанцзябан (章家浜)
10. Хэеди (荷叶地)
11. Сюйбуцяо (徐步桥)
12. Мяоцянь (庙前)
13. Яошань (瑶山)
14. Фаньшань (反山)
15. Хуйгуаншань (汇观山)
16. Боишань (钵衣山)
17. Шанкоушань (上口山)
18. Моцзяошань (莫角山)
19. Янцзябу (杨家埠)
20. Яньнань (堰南)
21. Фуцюаньшань (福泉山)
22. Сыдунь (寺墩)
23. Мацяо (马桥)

*Чжэцзяншэнь вэньу каогу яньцзюсо сюэкань. П., 2006. С. 51;
также учтены данные из: *Чжао Хуа.* Иньме гуго гуду: Лянчжу ичжи гайлунь (Исчезновение древней столицы древнего государства: Описание памятника Лянчжу). Ханчжоу, 2007. С. 73.

2. Символы номов (?) на нефритовых дисках «би» из ареала культуры Лянчжу*

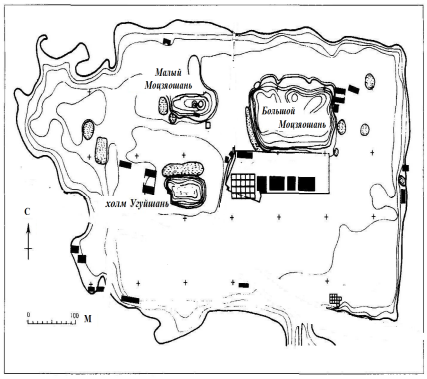
1 **2** **3** **4** **5**



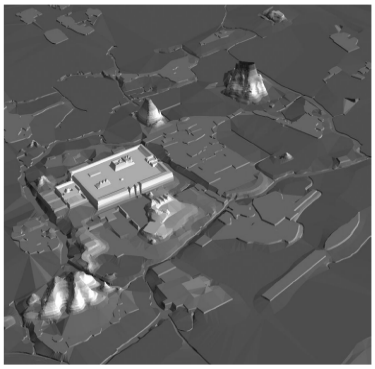
**Teng Shu-p'ing*. The original significance of *bi* disks: insights based on Liangzhu jade *bi* with incised symbolic motifs // Journal of East Asian Archaeology. 2000, № 2. C.167, 169, 171, 174.

3. Столица «царства Мо» (вторая половина 3 тыс. до н.э.)

Цитадель столичного центра Моцзяошань*



Пространственная реконструкция столичного центра Моцзяошань**

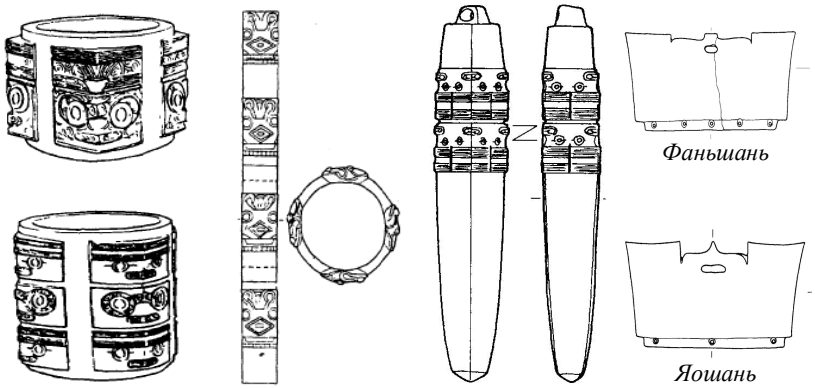


* *Чжао Хуа.* Иньмо гуго гуду: Лянчжу ичжи гайлунь (Исчезновение древней столицы древнего государства: Описание памятника Лянчжу). Ханчжоу, 2007. С. 102.

***Чжан Ли, У Цзянпин.* Чжэцзян Юйхан Пиньяо, Лянчжу гучэн цзего дэ яогань каогу (Археологическое описание древнего города Лянчжу у населённого пункта Пиньяо, уезд Юйхан, пров. Чжэцзян). – Вэньу. 2007, № 2. С. 77.

4. Образцы нефритовых изделий: атрибуты высшей власти

Навершие жезла «цун» **Браслет** **Стерженьки** **Навершие гребня**

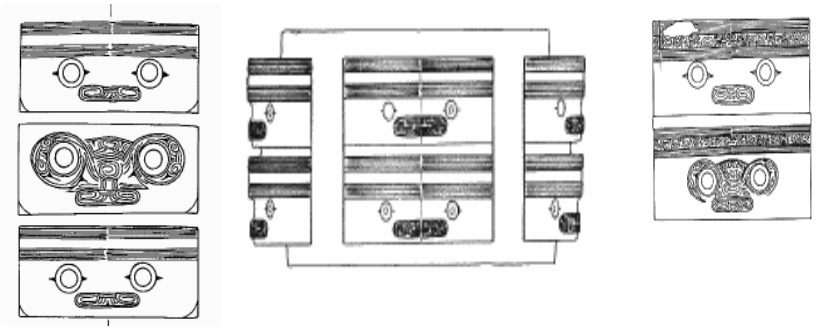


Фаньшань

Яошань

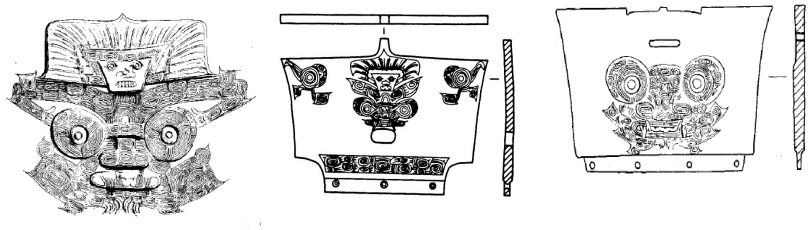
Юйхан *Фаньшань* *Фаньшань*

Упрощённое изображение Верховного божества на навершии жезлов *цун*



Фаньшань *Фаньшань* *Фаньшань*

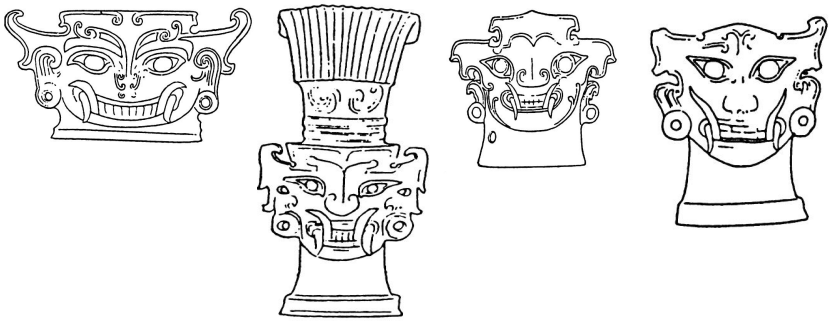
5. Верховное Божество «царства Мо» (вторая половина 3 тыс. до н.э.)



Фаньшань *Яошань* *Фаньшань*

6. Трансформация образа Верховного божества на Шаньдуне (начало 2 тыс. до н.э.). Юго-западный район (?)

1 **2** **3** **4**

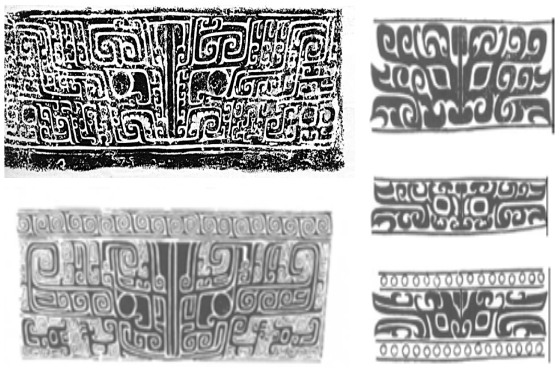


Из собрания National Museum of American Art | Из собрания Asian Art Museum of San Francisco | Из собрания Arthur M. Sackler Museum, Harvard University Art Museum

Xiaoneng Yang. Reflection of Early China. Decor, Pictographs, and Pictorial inscriptions. Seattle–London, 2000. С. 67–68.

7. Влияние культуры Нижней Янцзы на хуася. Шан (ок. 1300–1027 гг. до н.э.)

Трансформация образа Верховного божества у *хуася** | ***Цуны* в Шан (из погребения Фу Хао)****



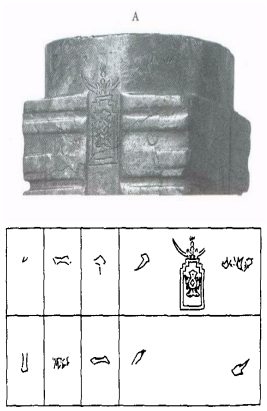
**Хань Цзин*. Тао-те вэнь добяньсин яньцзю (Исследование изменений декора *тао-те*) // Чжунъюань вэньу,

** Иньсюй юйци (Нефритовые изделия из Иньсюй).

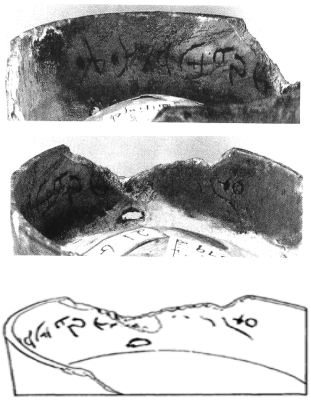
2011, № 1. С. 53–55. П., 1982. Рис. 12, 13.

8. Образцы текстов культуры Лянчжу

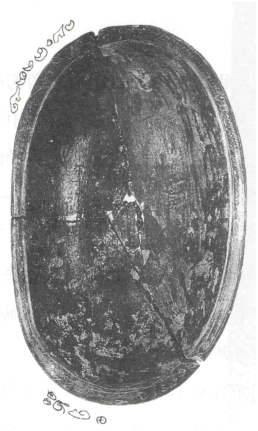
Текст и значок нома на нефритовом навершии жезла *цун* из Лянчжу*



Надпись на внутренней части поддона сосуда **



Сосуд с поселения Лянчжу с двумя иероглифическими текстами***



*Из коллекции музея Guimet, Париж, *Xiaoneng Yang*. Reflection of Early China. Decor, Pictographs, and Pictorial inscriptions. Seattle–London, 2000. С. 77.

** Из коллекции Музея Артура Саклера (Музей искусств Гарвардского университета)

Чжан Минхуа. Гуаньюй Чанцзян сяюй дицюй дэ цзаоци вэньцзы (О ранних знаках письма района Нижней Янцзы) // Чанцзян сяю дицюй вэньминхуа цзиньчэн сюэшу янь таолунь вэньцзи, Шанхай, 2004. П., 2004. С. 201.

*** Из коллекции музея Сиху (г. Чжэцзян). См.: *Чжао Хуа.* Иньме гуго гуду… С. 37.

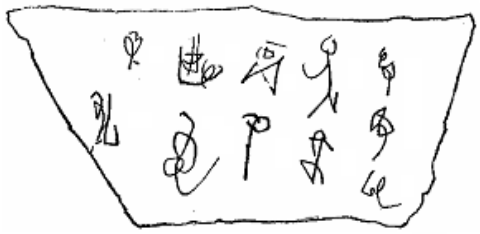
9. Распространение письменности (2 тыс. до н.э.)

9.1. Тексты с Нижней Хуайхэ и с Шаньдуна

Билингва из Лунцючжуан (ок. 1900 г. до н.э.)*

*Лунцючжуан. Цзян Хуай дунбу синьши цишидай ичжи фацзюэ баогао (Лунцючжуан. Доклад о раскопках на неолитическом памятнике в восточной части области междуречья Янцзы и Хуанхэ). П., 1999. С. 204

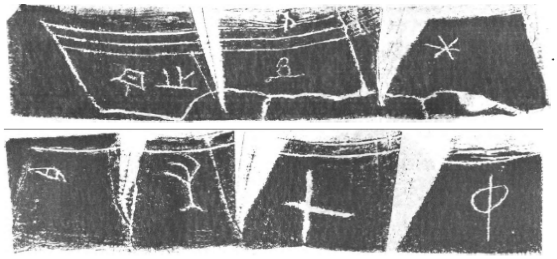
Надпись из Дингунцунь (2400–1900 гг. до н.э.)**



** *Фэн Ши*. Шаньдун Дингун луншань шидай вэньцзы цзеду (Дешифровка знаков письма луншаньской эпохи из Дингуна, пров. Шаньдун) // Каогу, 1994, № 1. С. 38

9.2. Образцы текстов с Нижне-средней Янцзы (Учэн, 1600–1200 гг. до н.э.)*

Единая фраза на плечике сосуда



Фраза учэнского письма

Фраза учэнского письма

Фраза «у-юэского» письма

**Гао Мин*. Гу таовэнь хуйбянь (Собрание древних письмён на керамике). П., 1990. С. 6.

9.3. Примеры «у-юэского» (?) письма за пределами Нижней и Нижне-средней Янцзы: Верхняя Янцзы (с территории царств Шу и Ба, рубеж 2–1 тыс. до н.э.?)*

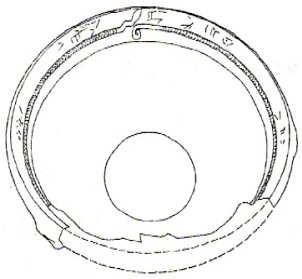
Крышка металлического сосуда (вид сверху) из царства Шу

Надпись на мече из царства Ба

* Ба Шу фухао чулунь (Начальное исследование знаков царств Ба и Шу) // Сычуань вэньу. 1984, № 1. С. 15, 19

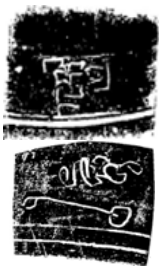
9.4. Примеры «у-юэского» (?) письма за пределами Нижней и Нижне-средней Янцзы: Средняя Хуанхэ (2 тыс. до н.э.)

Культура Эрлитоу-2 (ок. 1800–1700 гг. до н.э.) Южная часть «Древнего Приморья»*



Текст из Гаочэн тайси-1 (ок. 1400–1300 гг. до н.э.) Северная часть «Древнего Приморья»**

Две надписи на сосуде из Шан (ок. 1300–1027 гг. до н.э. Северная часть «Древнего Приморья»***



* Эрлитоу ичжи юй Эрлитоу вэньхуа яньцзю (Изучение памятника Эрлитоу и культуры Эрлитоу). П., 2006, С. 155

** Гаочэн тайси Шандай ичжи (Памятник шанской эпохи Гаочэн тайси). П., 1985 . С. 41.

*** *Ли Цзи.* Иньсюй таоци яньцзю (Исследование керамики Иньсюя). Шанхай, 2007. С. 183, 276.